

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
«ИЗУЧЕНИЕ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА» СКФУ И БУДАПЕШТСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. М. КОРВИНА

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
«ЦЕНТР ЗАКАВКАЗСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ» СКФУ, ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК АРМЕНИИ, МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЦЕНТРА НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ
АРМЕНИЯ

РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
СТАВРОПОЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ НА КАВКАЗЕ И БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

**К 80-летию профессора
Александра Абакаровича Кудрявцева**

Ставрополь
2021

ИСТОРИЯ ДОНА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Д. А. Канделаки

ЗАРОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ НА ТЕРРИТОРИИ АБХАЗИИ: К ПРОБЛЕМЕ РАННИХ ЭТАПОВ (ВЗГЛЯД ИСТОРИКА)

Среди не решенных окончательно задач истории Абхазии на данный момент остаются проблемы ранних этапов зарождения древнего земледелия. Интерес к этой проблеме обусловлен, с одной стороны, очевидным фактом наличия благоприятных природных условий, а с другой стороны, географической близостью Абхазии и в целом территории Восточного Причерноморья к Переднеазиатским центрам зарождения древнейшей неолитической земледельческо-скотоводческой производящей экономики. Таким образом, проблема зарождения земледелия у нас в Абхазии имеет исключительное историческое значение для науки.

Однако сразу следует отметить тот факт, что изучение этой проблемы применительно к Абхазии осуществлялось археологией каменного века, а передовые методы археоботаники, палинологии, палеогеографии, палеоклиматологии, радиоуглеродной хронологии, трасологии и др. ждут своего решения в будущем. В этой связи до сих пор остаются не решенными такие проблемы, как хронологические рамки начала сложения земледелия у нас в Абхазии, и самое главное – возникло ли земледелие на местной основе или оно есть результат инвазии этих традиций с южных передовых центров.

Как известно, проблема зарождения древнего земледелия напрямую связана с переходом «от присваивающей к производящей экономике», археологическим и историческим эквивалентами которых является «новый каменный век», или «неолит», «неолитическая революция» и «неолитизация». В основе тех факторов, которые подтолкнули человека на поиски новых форм хозяйствования, лежали природно-климатические процессы эпохи голоцена¹⁸. Особенно отчетливо они протекали во вне-рефугиумных областях, где этот переход проявлял себя ярче – как некая ответная адаптивная реакция общества. Такой ближайшей вне-рефугиумной зоной и был «Плодородный полумесяц», где впервые и фиксируются

¹⁸ Долуханов, П. М. Неолитическая революция в Передней Азии: экологические, культурно-исторические и лингвистические аспекты / П. М. Долуханов // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока : Тезисы и доклады конференции. – Москва : Наука, 1984. – С. 30.

следы новой неолитической эпохи¹⁹. В науке уже установлено, что для древних обществ переход к новым формам хозяйствования протекал достаточно сложно, многогранно и драматично и, по сути, представлял для них адаптационный стресс в процессе поиска альтернативных пищевых стратегий²⁰. Данный факт можно обозначить как «феномен неолитического стресса», или «феномен адаптационного неолитического стресса»²¹. В этой связи возникает вопрос, как обстояли эти процессы на территории Абхазии, которая входит в область так называемого Колхидского рефугиума, где эпохальные природно-климатические процессы не носили столь драматического характера? На данном этапе в науке сложился ряд противоречащих порой друг другу представлений о процессе зарождения производящей экономики на территории Абхазии, Восточного Причерноморья и Западного Кавказа в целом²².

– Неолит имеет здесь местные корни, но процесс становления неолитической экономики шел крайне медленно, что дает право говорить о некоем «присваивающе-производящем» неолите²³.

– Неолит не имеет местных корней и сравнительно поздно привнесен сюда в некоем «законченном / готовом виде» древними мигрантами из южных передовых центров²⁴.

¹⁹ Подр. об этом см.: Массон, В. М. Древнейший Ближний Восток: история земледельческо-скотоводческой экономики // Археология Старого и Нового Света / В. М. Массон. – Москва, 1962. – С. 58–67; Алексеев, В. П. Становление человечества / В. П. Алексеев. Москва, 1984; Мерперт, Н. Я. «Неолитическая революция» на Ближнем Востоке (некоторые моменты разработки проблемы в зарубежной науке) / Н. Я. Мерперт; КСИА // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях. Вып. 180. 1984; Шнирельман, В. Л. Возникновение производящего хозяйства: Проблема первичных и вторичных очагов / В. Л. Шнирельман. – Москва, 1989; Кушнарева, К. Х. Южный Кавказ в IX–II т. до н. э. Этапы культурного и социально-экономического развития / К. Х. Кушнарева. – Санкт-Петербург, 1993; Ошибкина, С. В. Понятие о неолите. Неолит Северной Евразии / С. В. Ошибкина. – Москва, 1996; Бжания В. В. Кавказ. Неолит Северной Евразии / В. В. Бжания. – Москва, 1996; Долуханов, П. М. Неолитизация Европы: хронология и модели. Неолит – энеолит юга и неолит севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов) / П. М. Долуханов. – Санкт-Петербург, 2003.

²⁰ Обстоятельную характеристику данной проблемы см.: Бужилова, А. П. Homo sapiens. История болезни / А. П. Бужилова. – Москва, 2005.

²¹ Канделаки, Д. А. Неолитическая революция. Восточнопричерноморский сценарий: доклад на юбилее 80-летия В. В. Бжания / Д. А. Канделаки. – Сухум, 2014.

²² Канделаки, Д. А. Неолитизация Восточного Причерноморья: проблема интерпретации в контексте общего понятия «неолит» (взгляд историка) / Д. А. Канделаки // Актуальная археология. – 2016. – № 3. – С. 52.

²³ Небиеридзе, Л. Д. Ранние ступени развития Западнокавказской раннеземледельческой культуры / Л. Д. Небиеридзе. – Тбилиси, 1986.

– Неолит здесь вообще отсутствует, и навыки земледелия и скотоводства привнесены сюда мигрантами уже с традицией металлургии меди, то есть мезолит сразу сменяется энеолитом, минуя неолитический период²⁵.

Уже такой беглый обзор показывает, насколько кардинально противоречивы взгляды на проблему зарождения древнего земледелия у нас на территории Восточного Причерноморья. Однако мы можем на сегодняшний день на уровне наших знаний говорить о зарождении древнего земледелия на территории Абхазии, и здесь мы представим свой взгляд на данную проблему.

Ближний Восток, разумеется, не был единственным центром, где шло зарождение земледелия – это уже аксиома. Такой же центр располагался и у нас в Причерноморье. Разумеется, в Абхазии, а шире в Восточном Причерноморье имелись все предпосылки для возникновения древнего земледелия, так как этот регион представлен большим видовым разнообразием растений. Здесь представлены в большом количестве лесные, орехоплодные, ягодные, плодовые виды, которые соответствуют видовому составу преимущественно горнолесных видов Колхидской геоботанической провинции²⁶. Не следует забывать, что на Западном Кавказе также отмечены древнейшие эндемичные виды и ряда злаковых. В этом смысле потенциальное многообразие видового состава флоры, казалось бы, создавало все предпосылки для активного и перспективного их использования в период зарождения древнего земледелия. Однако сложно сказать, всегда ли есть жесткая и прямая зависимость между биологическим, видовым разнообразием флоры и вероятностью того, что такое разнообразие обязательно способствовало зарождению навыков земледелия. Скорее нет. И потому о механизмах сложения земледелия примирительно к нашему региону сказать пока что-либо сложно. Более того, осложняется эта проблема и тем, что для Абхазии пока отсутствуют сколько-либо достоверные для интересующего нас периода представительные археобота-

²⁴ Федоров, Я. А. Этнокультурные связи Западного Кавказа и Передней Азии в эпоху позднего неолита / Я. А. Федоров // Вестник МГУ. Сер. История. – 1973. – № 5. – С. 52–63.

²⁵ Трифонов, В. А. Существовал ли на Северо-Западном Кавказе неолит? Адаптация культур палеолита-энеолита к изменениям природной среды на Северо-Западном Кавказе / В. А. Трифонов. – Санкт-Петербург, 2009. С. 90–91 ; Мешвелиани, Т. К. К вопросу о возникновении неолита в Западной Грузии / Т. К. Мешвелиани // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 2 (54). – С. 79 ; Трифонов, В. А. Горы и равнины: модель культурного развития Западного Кавказа в V – III тыс. до н. э. / В. А. Трифонов // Кавказ как связующее звено. – Санкт-Петербург, 2015. – С. 117.

²⁶ Канделаки, Д. А. Доместикационный потенциал Абхазского Причерноморья и древнейшие очаги зарождения производящей земледельческой экономики / Д. А. Канделаки // Труды Ботанического Института. – Сухум, 2014. – Вып. III. – С. 17.

нические коллекции. Тем самым нам сложно сказать, как для периода неолита в Абхазии обстояло дело с domestикацией растений. Разумеется, такая domestикация если и происходила, то мы не можем ее строго задокументировать. Вероятно и еще одно немаловажное обстоятельство, которое в немалой степени пока препятствует возможности точно осветить все эти вышеуказанные проблемы – это проблемы методического характера. Не следует забывать, что многие эталонные памятники неолитической эпохи либо близко к ней стоящие были изучены в период, когда методика исследований не была столь высокого уровня, как современная, и есть вероятность, что многие данные, которые могли быть извлечены, как бы утеряны для нас навсегда.

Каковы же все-таки сценарии ранних этапов зарождения земледелия в Абхазии. Здесь, по нашему мнению, мы можем исходить из следующих сугубо теоретических соображений. Как известно, Абхазия, которая входит в Колхидский рефугиум, переживала переход от плейстоцена к голоцену не так остро, как это имело место во вне-рефугиумных центрах. Тем самым в отличие от ближневосточных центров процессы эти не были столь драматичны и резки. А это означает одно – адаптация древнего общества на территории Абхазии происходила отличным, чем у общества в Передней Азии, путем. Процесс перехода древнего общества к новым формам хозяйствования происходил и в нашем регионе, но протекал он не так резко, а потому и переход к постепенному освоению навыков земледелия был растянут во времени и, возможно, потому слабо распознается археологически²⁷.

Время начала сложения первых навыков земледелия хронологически мы сопоставляем и с первыми признаками археологической эпохи неолита, и здесь мы опираемся лишь на каменный инвентарь, которые специалисты определяют как функционально принадлежащий земледельческим или в лучшем случае предземледельческим общинам. В широком диапазоне процесс становления неолитического хозяйства и – с осторожностью – земледелия на нашей территории мы определяем в пределах I горизонта пещеры Апианча, который хронологически соответствует концу X – началу IX тт. до н. э. и является завершающим для мезолита и переходным к началу неолита²⁸. Примерно такими же хроно-

²⁷ Канделаки, Д. А. Становление производящей экономики на территории Абхазии / Д. А. Канделаки // Человек: его биологическая и социальная история : труды Международной конференции, посвященной 80-летию академика РАН В. П. Алексеева (Четвертые Алексеевские чтения). – Москва, 2010. – С. 259–263.

²⁸ Небиеридзе, Л. Д. Даркветский многослойный навес / Л. Д. Небиеридзе. Тбилиси, 1978 (на груз. яз. с резюме на русск. яз.). – С. 97; Бердзенишвили, Н. З. К вопросу об истоках неолитической культуры Черноморского побережья Грузии (по материалам пещеры Апианча). Изыскания по мезолиту и неолиту СССР / Н. З. Бердзени-

логическими рамками датируется и неолитический памятник Гал – I (бывш. Пирвели Гали), для которого допускают дату не позднее VII тыс. до н. э.²⁹, что в целом отражает реальную картину культурно-исторических процессов у нас в пределах Западного Кавказа, Кавказского Причерноморья и непосредственно территории Абхазии. Подобное характерно и для других памятников переходных от позднего мезолита к раннему неолиту³⁰. Сложно сказать, были ли сделаны первые шаги к земледелию древними насельниками Абхазии уже в это время или нет. Для этого необходимо наличие археоботанического материала, которого в Абхазии нет. Единственное, что мы можем сказать точно, древнее общество Абхазии, как и на Ближнем Востоке, шло по пути интенсивного собирательства древних эндемичных злаков. Об этом свидетельствуют находки карбонизированных обугленных зёрен дикого проса из финально-мезолитического слоя такого памятника, как Холодный грот, а также некоторых орудий, которые, вероятно, могут быть связаны с интенсивным собирательством злаковых³¹. Видимо, древнее население Абхазии уже в финальном мезолите перешло к интенсивному сбору злаковых, тем самым подготавливая почву к дальнейшему переходу к подлинной доместикации растений. В период примерно VIII–VII тт. до н. э. уже, несо-

швили, Л. Д. Церетели. – Ленинград, 1983. – С. 56; Небиеридзе, Л. Д. Ранние ступени развития Западнокавказской раннеземледельческой культуры / Л. Д. Небиеридзе. – Тбилиси, 1986 (на груз. яз. с резюме на русск. яз.). – С. 181.

²⁹ Манько, В. Раннеголоценовая стоянка Джварцхма в Западной Грузии / В. Манько, Г. Чхатаршвили // *Revista Arheologica, seric noua*. – 2020. – V. XVI. – №. 1. – P. 72.

³⁰ Небиеридзе, Л. Д. Неолит Западного Закавказья / Л. Д. Небиеридзе. – Тбилиси, 1972. (на груз. яз. с резюме на русск. яз.). – С. 113. Данные по хронологии неолитических памятников также см.: Кушнарева, К. Х. К проблеме неолитизации Кавказа и Передней Азии. Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии / К. Х. Кушнарева, М. Б. Рысин. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 14–37; Небиеридзе, Л. Д. Неолит Юго-западного Кавказа / Л. Д. Небиеридзе // *Археология Кавказа*. – 2009–2010. – № 2–3. – С. 19–38; Зайцева, Г. И. Проблема неолитизации Западного Кавказа и изменение окружающей среды / Г. И. Зайцева, В. А. Трифонов, В. А. Дергачев // *Труды IV (XX) Всерос. археологического съезда в Казани*. – Т. 1. – Казань, 2014. – С. 263–266; Голованова, Л. В. Новые данные о неолите Северо-Западного Кавказа из Мезмайской пещеры / Л. В. Голованова, В. Б. Дороничев, Е. В. Дороничева, М. А. Кулькова, Т. В. Сапёлко, Ю. Н. Спасовский // *РА*. 2016. – № 3. – С. 5–19; Леонова, Е. В. Еще раз о неолите Северного Кавказа / Е. В. Леонова // *РА*. – 2019. – № 4. – С. 43–53.

³¹ Соловьев, Л. Н. Об итогах археологических раскопок в гроте Хупынипшахва в 1960 г. / Л. Н. Соловьев // *Труды АБНИИЯЛИ*. – 1961. – Т. XXXII. – С. 191–195; Церетели, Л. Д. Пещерная стоянка Апианча (Кеп-Богаз) / Л. Д. Церетели, Н. Б. Клопотковская, Г. М. Майсурадзе // *Археология и палеогеография Крыма и Кавказа*. – Москва, 1978. – С. 49.

менно, начинается интенсификация сельскохозяйственного уклада на территории Абхазии. Особенности природной среды, видового состава флоры, наличие лесов и горных массивов диктовали свою, присущую данному региону адаптивную стратегию, когда здесь преимущественно формировался тип подсечно-огневого земледелия и древнего огородничества, что прослеживается в наличии, правда, несколько более позднего периода эпохи энеолита орудий типа «мотыжки Сочи-Адлерского и Сухумского типов». Стоит отметить, что наличие лесов с богатой флорой плодовых видов способствовало также и зарождению древнего садоводства³².

Видимо, с зарождением первых зачатков земледелия местное население, постепенно осваивая, концентрировалось в наиболее экологически пластичной и динамичной зоне, а именно в зоне абхазского холмистого предгорья, которое занимает удобную географическую локацию между собственно горными массивами и собственно побережьем и морем. Такая форма расселения является одной из самых устойчивых и консервативных систем расселения и организации поселений, сохранившаяся до современности. Здесь также нельзя обойти стороной и такой важный момент, как морское побережье, ресурсы моря и внутренних вод. Очевидно, в начальный период голоцена, в эпоху мезолита местное население могло перейти к интенсивному использованию рыбных ресурсов моря и рек Абхазии. Об этом свидетельствуют материалы ряда мезолитических (грот Апианча, Холодный грот) и неолитических памятников (Кистрик). Вероятно, рыболовство в какой-то мере могло несколько тормозить процесс перехода к земледелию за счет своей высокой продуктивности или, во всяком случае, несколько растягивать во времени процесс этого перехода. Вот примерно такими пока общими теоретическими соображениями мы можем довольствоваться на сегодняшнем уровне наших знаний относительно периодов самого раннего этапа зарождения земледелия. На основании этого подведем итог всему вышесказанному.

Процесс зарождения земледелия в Абхазии осуществлялся на местной почве и не привнесен извне. Хронологически начался он практически одновременно с ближневосточными неолитическими центрами уже как минимум с конца IX – нач. VIII тт. до н. э. Базировался процесс зарождения земледелия на местной, присущей нашему региону базе видового состава флоры. Переход к неолиту был не столь резок в силу природных причин, а именно наличия восточнопричерноморского рефугиума. В это

³² Канделаки, Д. А. Доместикационный потенциал Абхазского Причерноморья и древнейшие очаги зарождения производящей сельскохозяйственной экономики / Д. А. Канделаки // Труды Ботанического Института. – Сухум, 2014. – Вып. III. – С. 19; Радченко О. Е., Багмет Л. В., Бойко А. П. Дикие родичи плодовых культур в Западном Закавказье / О. Е. Радченко, Л. В. Багмет, А. П. Бойко // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. – Санкт-Петербург, 2014. – Т. 175. – Вып. 1. – С. 50–55.

время происходила коренная перестановка всей системы жизнеобеспечения древнего общества и постепенного освоения земледельческого уклада. Этот процесс сопровождался постепенным переходом к оседлости и освоению предгорной зоны, наиболее удобной за счет почв и наличия наибольшего видового разнообразия растений. При освоении пригодных для земледелия мест население чаще тяготело к речным долинам и источникам воды, с ландшафтными зонами сочетавшим в себе речные долины и ущелья, с ближайшим выходом на прибрежные миниатюрные речные долины. Именно в это время в Абхазии почти одновременно, как и на Ближнем Востоке, местное население постепенно осваивало навыки подсечно-огневого земледелия, огородничества и древнего садоводства.

А. А. Кудрявцев

ДЕРБЕНТСКИЕ ВОРОТА И ИХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ В ИСТОРИИ КАВКАЗА АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ

На протяжении многих веков Дербент служил крупным идеологическим и военно-политическим центром, наиболее значительным городом региона, важнейшей пограничной крепостью известных мировых держав Ближнего и Среднего Востока, главным их оплотом в борьбе с кочевниками на северной границе, разделявшей здесь два мира – земледельцев и скотоводов.

Это был крупнейший средневековый город не только по масштабам Кавказа, но даже Ближнего Востока и Западной Европы домонгольской поры, превосходивший по своим размерам такие известные центры IX–XIII вв., как Ардебиль, Тбилиси, Шемаха, Байлакан, Бухара, Пенджикент, Дамаск, Халеб, Брюгге, Гент, Пиза и др.

В контексте изучения актуальных проблем кавказского города и генезиса городской цивилизации в этом регионе большое значение имеет многолетнее комплексное исследование Дербента, проводившееся в 1970–1995 гг. под руководством автора.

Своим возникновением и той значительной ролью, которую он сыграл в истории народов Кавказа и соседних регионов, Дербент во многом был обязан положению, занимаемому на западном побережье Каспия, выступавшему важным звеном в системе международных торговых и стратегических коммуникаций. Благодаря своему географическому положению Кавказ на протяжении многих столетий подобно огромному мосту связывал Юго-Восточную Европу с Передней и Средней Азией. Через него шли пути в Причерноморье и Среднеземноморье, из евразийских степей к известным очагам ближневосточной цивилизации. Контакты степняков с оседло-земледельческим населением Ближнего Востока, сыгравшие столь значительную роль в истории народов этих регионов, в